

ВСЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ МОСКВЫ

НА ДВЕ НЕДЕЛИ С 7 ПО 20 ИЮЛЯ 2003 №13 (108)

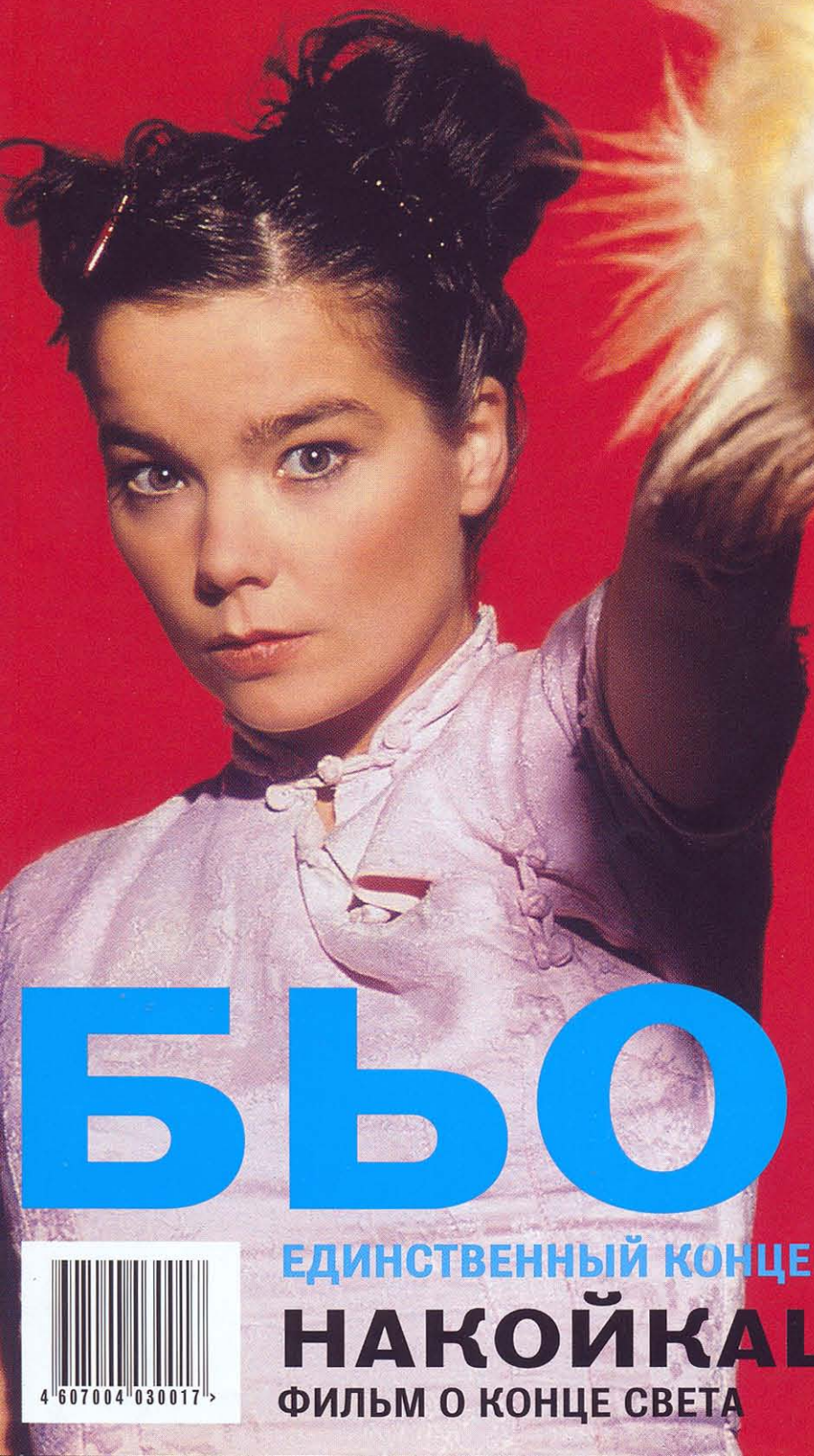
AFISHA.RU

афиша

+ КАРТА

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ И ПЕТЕРБУРГУ

СПЕЦИАЛЬНОЕ ЛЕТНЕЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

БЬОРК

ЕДИНСТВЕННЫЙ КОНЦЕРТ В «ОЛИМПИЙСКОМ»

НАКОЙКАЦИ | КНИГИ

ФИЛЬМ О КОНЦЕ СВЕТА

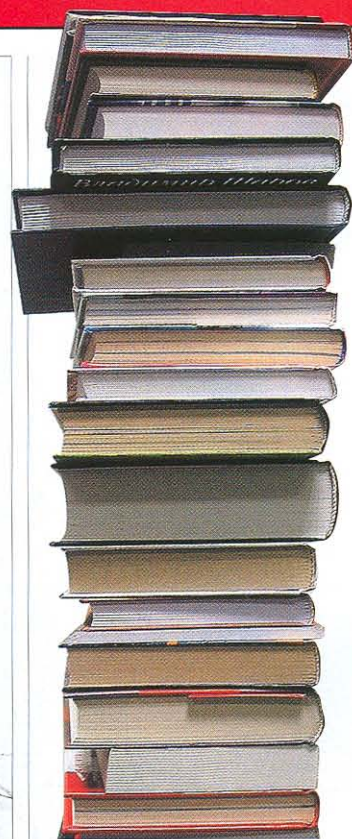
ДЛЯ ОТПУСКА

БЬОРК

17 июля в Москве выступит певица Бьорк Гудмундсдоттир, главная звезда скандинавского экспорта. За свою жизнь Бьорк получила каннский приз за лучшую женскую роль, совершила несколько революций в поп-музыке и разбила фотоаппарат одному навязчивому репортеру. Накануне ее московского концерта Юрий Сапрыкин повидался с Бьорк в Барселоне и выяснил, что та любит материться по-исландски в аэропортах и не скрывает, что слаба на голову. **СТР. 20**

КНИГИ ГОДА

Лучший русский и переводной роман года, лучшие мемуары, лучшая биография, лучший детектив и еще десяток номинаций – «Афиша» называет главные книги сезона 2002/2003. Для чтения в отпуске обязательны: «Орфография» Быкова, дневники Юнгера, биографии Борхеса и Екатерины Второй, мемуары повара Елисейского дворца и роман про Хемингуэя и гестапо. **СТР. 34**

7 ДВЕ НЕДЕЛИ В ГОРОДЕ

7 вера душевина 8 шум стадион «спартак» 10 материал новый ректор ргу 12 ревизия вывески 14 анатомия «золотой остров» 16 ответы максим фадеев

20 ГУДМУНДСДОТТИР И ДОЛЯ АНГЕЛОВ

28 ХОПИ-ЭНД

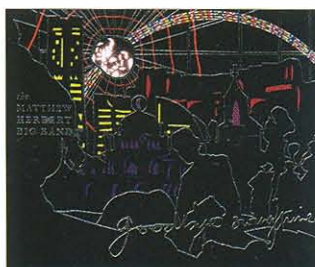
34 НОРМА ОТПУСКА

40 ВЕЩИ

45 РЕСТОРАНЫ

48 КЛУБЫ, КОНЦЕРТЫ

65 CD

МЭТЬЮ ХЕРБЕРТ

Веснушчатый англичанин собрал оркестр, арендовал студию, где работали The Beatles, и записал там диск, на котором он швыряется книгами Наума Хомского и скрежещет стульями под сюрреалистические марши. **СТР. 65**

«НКОНГ»

Ресторан на Тверской-Ямской отличается от обычного китайского так же, как бывшая британская колония от КНР. Восточный буйабес под португальский портвейн, диваны цвета морской волны и официантки с внимательными лицами – и никакой бутафорской Азии. **СТР. 45**

17 ИЮЛЯ В «ОЛИМПИЙСКОМ» ВЫСТУПИТ ПЕВИЦА БЬОРК

ГУДМУНДСДОТТИР И ДОЛЯ АНГЕЛОВ

37-летняя Бьорк Гудмундсдоттир – самый известный житель Исландии за всю историю страны, обладатель каннского приза за лучшую женскую роль, автор четырех пластинок и одного саундтрека к фильму Ларса фон Триера – считается самым радикальным экспериментатором в высшей лиге мировой поп-музыки. Ее называют эльфом и приписывают ей магические способности. В июле Бьорк впервые даст сольный концерт в Москве. Чтобы выяснить, на что в действительности способна Бьорк, Юрию Сапрыкину пришлось провести несколько дней на фестивале Sonar в Барселоне.

13.30 12.06.2003 ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

В дальнем конце комнаты за высоким столом сидит Гарри Поттер. Черная атласная накидка, любопытные глаза, знаменитая челка, скрывающая шрам. Перед Поттером – разноцветные микрофоны, на Поттера нацелены камеры, полтора десятка журналистов примолкли в ожидании. Ну же, Гарри! Акцию!

Я очень спешил и забыл в гостинице очки: чтобы рассмотреть детали, придется подобраться поближе. Вблизи выясняется, что веки у Поттера накрашены ядовито-зеленым, прическа – не как у Поттера, а скорее – как у Мирей Матье; когда Поттер выходит из-за стола, становятся видны ярко-розовые босоножки. Вдобавок оказывается, что Гарри говорит на очень странном английском – с неприлично раскатистым «р»

и выражениями вроде «Май оун эксцентр-р-риситиз энд идиосинкр-р-разис»; ну не знаю, может, в Хогвартсе так принято – меня-то другое волнует: какого все-таки черта певица Бьорк нарядилась Гарри Поттером?

Бьорк приехала в Барселону выступать на фестивале Sonar, тут же собрали пресс-конференцию, по московским меркам – непривычно скромную; как-то был я на пресс-конференции аккордеониста Валерия Ковтуна, журналистов там собралось раза в три больше. Тональность разговора тоже не московская – никаких вопросов о сексуальной ориентации или там «говорят, ваш первый сын – от Трики, а второй – от Голди»; все больше о культурной ситуации в постиндустриальной Европе. Людей с повадками корреспондентов московских «экспресс-мегаполисов» Бьорк, пожалуй, могла бы и по голо-

«ВО МНЕ ЕСТЬ ТО, ЧТО ЗАСТАВЛЯЕТ МЕНЯ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ ВСЯКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ, – НО ЭТИ ПЕСНИ О ТОМ, КАК ОДНАЖДЫ ПОЯВЯТСЯ АНГЕЛЫ И СПАСУТ ТЕБЯ»

«Я, НАВЕРНОЕ, ТАКОЙ И ОСТАНУСЬ – ДО САМОЙ СМЕРТИ. КАК ПРИДУ
В МАГАЗИН ПЛАСТИНОК – КОПАЮСЬ И КОПАЮСЬ»

ве хряснуть, как однажды ретивого фотографа в аэропорту Бангкока, – но тут ей явно скучно: пока задают вопрос, пока синхронистка переводит ответ на испанский, Бьорк гримасничает, щиплет себя за щеки, хихикает, выворачивает шею и с явным удивлением на лице разглядывает микрофоны. Как ребенок, право, еще и в мантию поттеровскую нарядилась.

За три года до сорокалетия Бьорк выглядит как типичный вундеркинд, с наивными глазами и белозубой улыбкой; как-то не вспоминается другой вундеркинд, кому удалось бы так сохраниться. Бьорк первую пластинку записала в 11 лет, в 14 она уже стриглась наголо и стучала на барабанах в панк-группе. В 1989-м группа Sugarcubes с вокалисткой Бьорк выступала в Вильнюсе; отчет о концерте, опубликованный в архангельском рок-журнале «Северок», на 90 процентов был посвящен тому, как смешно Бьорк подпрыгивает и как подтягивает в полете свои колготки; колготки, как заметил корреспондент, были розовыми. Она будто нарочно подчеркивает свой инфантилизм: то бегаёт в клипе с плюшевым мишкой в руках, то записывает песню в туалете какого-то питейного заведения (о чем особо сообщается в буклете CD), то просто поет дурацкие песни и скачет – как коза. Даже у Триера в «Танцующей в темноте» Бьорк не вышла из образа, изобразила все то же – патологически талантливое дитя.

«Да, я боюсь на голову, – отвечает Бьорк на мой вопрос. Вопрос был о том, где она берет новую музыку и как узнает о ее существовании. – Я, наверное, такой и останусь – до самой смерти. Как приду в магазин пластинок – два часа не могу выйти, копаюсь и копаюсь, все друзья от этого страдают. Я маленькие магазины люблю – где хозяева музыку любят и могут подсказать, что нового. От них все и узнаю».

Остальные все больше спрашивают ее о технологиях. Последний свой альбом «Vespertine» Бьорк записывала не отходя от «Макинтоша»: в интервью журналу The Wire она призналась, что даже звук и тембр инструментов подбирала, чтобы те хорошо звучали в mp3-файлах. Так что там с технологиями? «Несколько лет назад мне казалось, что технологии враждебны человеку, что они лишают его души. У меня была песня «Yoga», как раз об этом столкновении, – на этом месте ее руки резко сталкиваются, в воздухе повисает долгое свистящее «ш» – это Бьорк произносит слово «clash». – Но сейчас все изменилось. Интернет все больше становится инструментом общения, появились mp3-файлы, людям стала доступна любая музыка – в общем, никакой вражды».

Потом Бьорк рассказывает про исландский язык: «Приятно владеть наречием, которое понимают 280 000 человек в мире; можно громко материться в аэропортах, никто и не догадается». Потом размышляет о том, как в ее музыке сочетается цифровое и органическое. Потом сообщает, что ее новая пластинка будет называться «The Lake Album» («Озерный альбом»), но говорить об этом еще не время, поскольку альбом находится в эмбриональном – «эмбр-р-рионик» – состоянии. Одно точно: на нем появится чужая, не ею написанная песня – «Desired Constellation» электронного проекта Ensemble.

Про людей, с которыми будет работать Бьорк, всем интересно: имена ее соавторов – все равно что справочник «Кто есть кто в современной электронике». На предыдущей пластинке «Vespertine», к примеру, ей помогали хаус-музыкант Мэтью Херберт, обычно строящий свою музыку из шуршания листов бумаги или бульканья брошенных в воду камешков, и калифорнийский дуэт Matmos. Те вообще однажды сделали альбом только из звуков, подслушанных и записанных в госпитале – при трепанации черепа или там опыта на белых мышках. Это типичная для Бьорк история: каждая ее новая пластинка вводит в поп-обиход довольно радикальный на этот момент пласт музыки. Так движется ее карьера – от соавторов к соавторам; но со стороны соавторов не видно. Со стороны кажется, что Бьорк всегда на полшага впереди, всегда прокладывает новые территории; мало кто в курсе, что эти территории уже освоены. И не ею. «Глупо было бы сидеть в башне из сло-

новой кости, – кокетничает Бьорк на пресс-конференции. – Вообще, весь смысл музыки – в коммуникации».

Тут ее спрашивают про группу Matmos, которая помогала ей на предыдущей пластинке, и Бьорк вдруг взвизгивает: «95 процентов работы я сделала сама! Они появились в последний момент! Ну добавили пару ритмических схем...»

23.30 11.06.2003 ВЕЧЕРИНКА BBC RADIO 1

Мэтью Херберт – тот самый, что вместо барабанов использует брошенные в воду камешки, – собирает пластинки и уходит со сцены. Вечеринка главного английского музыкального радио как бы предваряет трехдневный фестиваль Sonar, приглашены только музыканты, журналисты и люди из шоу-бизнеса; гостям, помимо Херберта, обещаны диджей Лоран Гарнье и Жиль Петерсон, а также Очень Специальный Гость. Две тысячи человек, заполнивших зал, диджеев уже не различают – все прыгают до потолка, что бы там ни звучало. Через 48 часов эти же потные тела окажутся на концерте Бьорк; от этой мысли делается как-то неловко, фи.

В последний раз в Барселоне Бьорк выступала в театре Liceu – оперном зале с бархатными креслами, по статусу вроде нашего Большого. Каталонские газеты вспоминают об этом как об изощренном издевательствах: мягко говоря, не все желанные смогли попасть в Liceu. Но таковы были правила: в театре после выхода альбома «Vespertine» Бьорк выступала только в оперных театрах; выступала в компании группы Matmos – тех самых специалистов по трепанации черепа – и арфистки Зины Паркинс, вышедшей из самых радикально-авангардных кругов Нью-Йорка (Джон Зорн, Фред Фрит и проч.). Без Бьорк этих людей не пустили бы даже в гримерку театра Liceu (не говоря уж о Большом, где Бьорк тоже ждала), но ей – как ребенку – позволено то, что взрослым не простили бы; она как бы играя снимает все эти взрослые противоречия – элитарное и массовое, авангардное и традиционное, оперный театр и мозгодробительная электроника. Отчасти поэтому о ней сложно сказать что-либо определенное. Она кто? Карьерист или новатор? Ребенок или притворяется?

Непонятно, что на этой вечеринке ловить: три часа ночи, силы на исходе, но пока не прояснился вопрос с Очень Специальным Гостем, уходить было бы странно. В баре звучит русская речь: кто-то предлагает кому-то кокаину. Со сцены несется прямолинейный и уже порядком поднадоевший хаус – это диджей Лоран Гарнье. С Бьорк он не работал – человек с таким прямолинейным ритмом ей ни за чем не нужен; прямолинейность – это последнее, в чем ее можно обвинить. На пресс-конференции, когда она берет описывать новую пластинку, выходит что-то вроде: «Предпоследний мой альбом раскрывал меня как экстрасерта, последний – как интроверта, предпоследний был более цифровым, последний – более

БЬОРК ПОДПРЫГИВАЕТ И ПОДТЯГИВАЕТ В ПОЛЕТЕ СВОИ КОЛГОТКИ; КОЛГОТКИ, КАК ЗАМЕТИЛ КОРРЕСПОНДЕНТ, БЫЛИ РОЗОВЫМИ

органическим, следующий объединит в себе все эти качества». Снова хочется спросить: это как? – но ей и самой, думается, непонятно. Пока все слишком «эмбр-р-рионик».

Снова говорят по-русски: я наткнулась на знакомых, которые все знают про Очень Специального Гостя. Оказывается, Очень Специальным Гостем была Бьорк. Она приехала в самом начале, когда не все еще собрались, спела четыре песни – и улизнула. Делать нечего: я выхожу на улицу в неизвестном мне районе города, не имея представления, куда идти. Помню только, судя по карте, вроде недалеко. Я прохожу мимо каких-то строек, ангаров, металлических стен, нарядных домов начала века, бульваров, мостов; единственное, что не по-

падает на пути, – это такси. Наконец наткнулась на группу местных: «Вам куда? А-а, идите направо. Но это о-о-очень далеко». Местные смотрят на меня такими глазами, будто я Федор Конюхов на старте новой экспедиции.

Еще через полчаса на перекрестке наткнулась на такси. Машина свободна, водитель не против, время – пятый час, нам предстоит долгий путь. Я закрываю глаза и вдруг понимаю, что последний альбом Бьорк – органический и интровертный «Vespertine» – про меня. Про то, что со мной сейчас. Про то, как я еду во тьме непонятно куда, то ли во сне, то ли наяву, про эту блаженную минуту, когда непонятно даже, на каком ты свете. «Во мне есть то, что заставляет меня сопротивляться всяческой религиозности. Но если я когда-нибудь записывала хоть в какой-то степени религиозную пластинку, то это «Vespertine». Это песни о том, как однажды появятся ангелы и спасут тебя».

0.01 14.06.2003 КОНЦЕРТ

В полной темноте, среди едва уловимых вспышек и бликов, а может, звезд и галактик, вьется клубок светящегося тумана. Из его сердцевины вырастает плотная трубка – провод? шнур? шланг? Изгибаясь, она движется во тьму, чтобы найти еще один мерцающий сгусток: теперь два светлых пятна во тьме не одиноки. Одна из туманностей, вращаясь, обнаруживает вдруг человеческое лицо – это лицо Бьорк.

Сама Бьорк – все в той же черной мантии и с прической а-ля Матье – мечется по сцене: здесь, как и на будущем московском концерте, она играет материал альбомов «Vespertine» и «Нотогенис» плюс несколько новых песен. Вокруг нее – Зина Паркинс с электрической арфой, восемь исландцев со скрипками и виолончелями, группа Matmos с электронными устройствами и огромный экран, на котором показывают фильмы из жизни людей-туманностей; большую часть времени, впрочем, он бездействует. Зеленый дождик – как вешают

на елку в Новый год, – который Бьорк нацепила поверх глаз, удается разглядеть только первым рядам.

Если бы убрать из этой истории Бьорк – на такой концерт в Москве собралось бы человек сто. И проходил бы он в клубе «Дом». В Барселоне народу собралось, по официальным данным, сорок тысяч, не считая гостей и журналистов. Акомпанементом Бьорк служит сложноорганизованный ритмический хруст и закрученные гармонии арфы; есть вещи, в которых она поет только под арфу или только под хруст; за весь вечер звучат только три песни, которые можно условно считать хитами. Из декораций – ряд огромных факелов, изрыгающих огонь на самых громких номерах, да подсвеченный бордовым задник, похожий на бархатный театральный занавес. Бьорк ничего не говорит, кроме дежурного «грасиас», зато непрерывно носится по сцене; но не для того чтобы продемонстрировать единение с залом, крикнуть: «Эй, Барселона, не вижу ваших рук», – просто движется. В какой-то момент мне вдруг кажется, что это безостановочное движение, так же как гримасничанье и ерзанье на пресс-конференции, похоже на то, как двигалось лицо Олега Янковского в «Полетах во сне и наяву», как кусал он губу – непрерывно, нервно. Бьорк тем временем прыгает и пытается поймать руками невидимого зверя – это песня «Hunter». На экране же появляется Млечный Путь с человеческим лицом; Бьорк-туманность, по контрасту со своей сценической ипостасью, неподвижна, взгляд ее устремлен в даль, и в этом взгляде есть смысл – она определенно что-то видит.

Это выражение лица часто можно увидеть в клипах и на фотографиях Бьорк: уже в первом сольном видеоролике «Human Behaviour», где она бежит по темному лесу с плюшевым мишкой на руках, она тоже смотрит куда-то вверх и вдаль и улыбается увиденному. В «Танцующей в темноте», положим, этого взгляда не было – там слепая Сельма – Бьорк смотрела остановившимся взглядом в никуда, Бьорк в образе туманности глядит в куда. Из этого взгляда, возможно, и родился когда-то

ОНА ВИДИТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ, ЕЕ ГЛАЗА – ЭТАКИЙ МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ РЕНТГЕН

миф о Бьорк. Ну то есть когда Бьорк сравнивают с эльфом или с ребенком либо говорят о волшебстве, магии, чарах, скрытых в ее музыке, – в конечном счете имеется в виду вот этот взгляд. Потому что такой взгляд не может означать ничего иного, кроме как: она видит больше, чем обычные люди; ее глаза – этакий метафизический рентген. На экране опять возникают туманности, теперь проясняются черты и второй из них – внутри облака оказывается сгусток плоти, бьющийся, светлый, живой человеческий эмбрион.

Раздаются первые аккорды «Bachelorette» – по-голливудски горько-сладкой песни об одиночестве, и Бьорк снова несется куда-то к краю сцены. То выражение лица, что на экране, этот глубокомысленный взгляд, еще можно симитировать; но то, что происходит на сцене, – явно не игра и не обман. Как будто в нее что-то вселилось – или же просто проснулось внутри – и теперь плачет, и бьется, и хочет удостовериться, что оно, это нечто, существует, что оно – не есть тело, что оно – не только руки, ноги и все прочее, скрывающееся под этой темной мантией, что его потайная жизнь не закончится, даже когда тело умрет.

Зеленый дождик улетает с глаз долой, появляется какая-то девушка с аккордеоном, факелы возгораются и гаснут – и это последнее, что я отчетливо вижу: меня отгесняют назад, а очки не настолько сильны, и теперь я различаю только черную мантию и знаменитую спадающую на лоб челку. Стоит ли человек в мантии на земле или уже летит – с моей точки не разглядеть. **THE END**

Бьорк (Исландия)

Спорткомплекс «Олимпийский», чт 17 июля, 19.00